

к правилам охраны природы и оценке всех мероприятий по охране. В частности, я убежден: нужно тратить средства не на очистные сооружения (а это средства колоссальные!), а на разработку новых технологий с замкнутыми циклами, без выбросов и стоков. Считать, что с Байкалом все в порядке, — значит, ничего не делать, а сделать нужно еще так много!» Не случайно в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» отмечено: «Продолжить работы по охране и рациональному использованию уникальных природных комплексов, и прежде всего Байкала».

Прекрасная. Суровая. Опасная. Богатая. А мы еще ни слова не сказали о той Сибири, которую знаем не понаслышке и с которой связаны многими годами работы. Мы могли бы назвать ее деловой Сибирью, трудовой Сибирью, Сибирью инженеров и организаторов производства, партийных и хозяйственных руководителей, ученых, Сибирью мыслящих людей, увлеченных самими рабочими возможностями этого быстро развивающегося края.

Мы могли бы назвать ее многоэтажной Сибирью, Сибирью огромных строек, индустриальных комплексов, пионерного освоения новых территорий. Многие города и городки выросли и растут на наших глазах, и этажами новостроек Сибирь укрепляет свои позиции в экономике страны.

Мы могли бы назвать нашу Сибирь краем тысячи проблем. Но не станем забегать вперед, так как об этом вся наша книга. Сейчас же поблагодарим Сибирь за то, что она свела нас со многими замечательными людьми.

Пятьдесят семь лет жизнь этого человека не была связана с Сибирью. Но того, что он сделал к этому времени, хватило бы на десяток жизней, вполне обеспеченных работой и славой. Мы говорим о человеке, который был вице-президентом Академии наук СССР, почетным членом многих академий мира и международных математических обществ, ученым экстра-класса, которого называют выдающимся механиком и математиком нашего времени, с работами которого связаны крупные достижения в теории крыла, теории струй, теории взрыва и т. д., об академике Михаиле Алексеевиче Лаврентьеве...

В пятьдесят семь лет он взялся за крупнейшее дело

своей жизни и замечательное дело в жизни Сибири — за создание нового — Сибирского — отделения Академии наук СССР.

Он приехал в Новосибирск с учеными, чьи имена уже были известны миру, и с группой студентов-выпускников, попросту «мальчишек», с которыми организовал и развернул работу первого института Новосибирского научного центра — Института гидродинамики. Он жил вместе с ними во временных деревянных домах в Золотой Долине, как называли новоселы живописный уголок под Новосибирском на берегу маленькой речки Зырянки, отменив тем самым прежнее не очень привлекательное название Волчий Лог. В первые сибирские зимы конца 50-х — начала 60-х годов были и малоустроенный быт, и самообеспечение углем и дровами, но и тот незабываемый золотодолинский дух энтузиазма, творчества, единства и взаимного доверия, который и до сих пор связывает аборигенов академгородка нежными узами товарищества и преданности нравственным нормам жизни той теперь уже далекой поры.

Еще закладывался фундамент первого института, еще только формировался коллектив строителей центра Сибирской академии, еще «газик» ее президента воевал с бездорожьем будущего академгородка, а в деревянных бараках с Золотой Долины уже четко и просто формулировались интересные научные задачи, обсуждались возможности оригинальных экспериментов.

То на лыжной прогулке, то в машине, бегущей на стройку, то за общим вечерним чаем академик М. Лаврентьев загадывает загадки своим физтеховцам — простые загадки с костяшкой и спицей, с чернильными каплями в стакане воды, с шариком в струе воздуха, с пульсирующим фонтаном, с плавающим ужом — простые на первый взгляд, но в каждой непременно своя теоретическая изюмина, своя исследовательская перспектива. М. Лаврентьев всегда ратовал за наглядный, экономичный, остроумный эксперимент. Искать в загадке объяснительный механизм и проверять только его, отсекают все второстепенное, обнажать самую сущность явления, сводить любую сложную задачу к задаче считаемой, к модели сначала механической, а затем и математической — таковы были его требования к себе, к своим сотрудникам, к своим ученикам.

В те первые годы он стал поистине академиком нового типа — сибирским академиком, что означало очень своеобразное сочетание обязанностей и дел. Нужно было инспектировать качество строительных работ, оценивать проекты, разбираться в кладке и отделке зданий, быть мудрым, расчетливым хозяйственником, дальновидным градостроителем, оставаясь при этом руководителем формирующегося научного комплекса. И в эту трудную пору нулевого цикла его хватало на все. Уже в 1959 году в руководимом им институте полным ходом велись исследования по мирному использованию взрыва, по орошению Кулунды, решались другие практические задачи. Как ему это удавалось?

В оценках, которые дают ему его ученики, содержится ответ на этот вопрос:

«Любит слушать не о ходе дела, а о результатах. Длинных обсуждений у нас не бывает. Энергичные высказывания. Конкретные соображения. Болтовни не любит. Ценит общий новый метод или решение давно застоявшейся задачи...»

«Не вспомню ни одного примера, когда дело застряло бы в болтовне и бумагах».

«Если ты уходишь в отпуск, не закончив срочного дела, ты пал в его глазах».

«Тенденция его научного руководства: дать что-то новое, оригинальное. Нет трафаретного в работах. Даже студенческие дипломы не трафаретны. Даже если студент просто провел какие-то измерения, то в них всегда будет что-то оригинальное, неожиданное. Трафаретные работы на защитах не проходят».

Таковы наглядные педагогические уроки М. Лаврентьева, преподанные тем, кому посчастливилось работать рядом с ним. А его ученики стали организаторами всесибирских олимпиад школьников, цель которых как можно раньше распознать способных людей и предоставить им затем благоприятные возможности для развития способностей.

В Новосибирске есть Книга почетных жителей города. Открывает книгу имя инженера и писателя Н. Гарина-Михайловского, основателя города. Шесть лет назад вписано в нее имя основателя научного центра в Сибири — академика М. Лаврентьева.